

Я не мог спать.

И не только потому, что я только что понял, что я 18-летний в теле малыша, прямо посреди того, что я раньше считал очень опасным и очень вымышленным местом (какого хрена, почему, почему, почему ?)

Во мне зажглась отчаянная надежда. Кровавый Ворон был одним из самых ценных и, вероятно, самым критически недоиспользованным ресурсом, который мог предложить Вестерос. И в сериале, и в книгах, и в том небольшом фанноне, который я подхватил от своих друзей (у меня их больше нет) через культурный осмос. Живое существо с доступом ко всем воспоминаниям человека в мире, где информация могла и часто стоила дороже золота, было Божьим даром. Возможно буквально, если в теориях о происхождении трехглазого ворона есть хоть какая-то правда.

Конечно, был тот факт, что человек (сущность? сила?) находился за много миль к северу, и при этом далеко за Стеной, но даже у этого препятствия было решение.

Дерево Сердца.

Насколько я понял, Кровавый Ворон был буквально связан с чардревом таким образом, что никто до конца не понял. К счастью, мне не нужно было разбираться в механике, чтобы злоупотреблять этим, только основы.

Чародей, кровь и молитвы. Это был мой лучший выбор (мой единственный шанс, пожалуйста!), и перед ним невозможно было спать.

(и я боялся того, что принесут мои сны, вспышки огня, смерти и оборвавшейся жизни)

В конце концов я утомился, страх и предвкушение сменились истощением.

...

Облегчение, которое я испытал, когда проснулся от сна без сновидений, более отдохнувшим и гораздо менее чувствующим, что мир вот-вот вырвется из-под меня, было неопишимо. Я должен был нервировать слуг, которые действовали как мои неофициальные опекуны, когда они нашли меня в постели рано и смеялись от явного облегчения. Моей репутации неестественной (и теперь с умом и мыслями взрослого я мог видеть, как они смотрят на меня, с опаской и тревожным восхищением в глазах) , не было сделано поблажек, это точно.

Затем мои планы помчаться в Богорощу прежде, чем кто-либо (Аларик) сможет меня остановить, были разрушены, возможно, единственным существом, одним человеком, который мог.

Робб

Мой брат? (Нет !). Тогда двоюродный брат.

Чрезмерно возбудимый малыш после того, как наши воспитатели переодели и накормили его (и разве это не был опыт, теперь, когда я снова стал самим собой), заметил, как я (осторожно) спускаюсь в кроватку. Не успел я сделать и пяти шагов к двери, как он закрычал: «ДЖОН!»

Правый глаз дергался, я смотрел прямо на него с таким мертвым выражением, что белые ходочки позавидовали бы: «Ты, должно быть, меня гадишь».

Это было весело, видимо, когда он упал на задницу и завыл от смеха, хлопая в ладоши пухлыми руками.

Робб Старк был очаровательным ребенком. Круглолицый, с яркими рыжими кудрями и острыми голубыми глазами, доставшимися ему от матери. И хотя структура лица и окраска были неправильными, когда он улыбался, его глаза светились ликованием...

(Позвони мне, когда доберешься, Илай!)

Неа. Нет. К черту это. Вернувшись в коробку, вы идете.

Я обернулся, только чтобы замереть, когда Робб откровенно завопил: «Джон, вернись!»

Это произношение было ужасным, а его «Джон» больше походило на «Дон», но он был настоящим малышом.

Когда я обернулась, он действительно протянул руку над кроватью. Мое кровяное давление подскочило, когда он опасно покачивался, и я был через всю комнату и толкал его тупую детскую задницу обратно в кровать. "Садись!"

Сие истерический смех

Более того, сигнал разочарования. Кормилицы и прислуга ушли, чтобы выполнить оставшуюся часть своих обязанностей, и, как бы я ни был в отчаянии, я не мог оставить ребенка на произвол судьбы, особенно когда он уже продемонстрировал способность кувыркаться. своей кровати. Кровавый Ворон ждал десятилетиями, он мог бы подождать еще немного.

Ебать. Не один день полного осознания и мои планы уже летели к черту. бля Вестерос

«Я собираюсь вписаться прямо в этот дерьмовый континент, не так ли?» — жалобно спросил я малыша.

Робб рассмеялся мне в лицо.

...

Развлечь Робба было легко. У меня всегда был способ с детьми (у меня был опыт). Если вы сомневаетесь, обратитесь к сказкам. Я часами развлекала Робба сказками о Золушке, Белоснежке и Златовласке. Я даже добавил Завоевание Эйгона, или что я мог вспомнить из-

В любом случае

Я не был уверен, что он понимает больше, чем одно из каждых пяти слов, но ему и не нужно было. Пока я повторял движения руками, преувеличивал мимику и менял тон, он оставался в полном восторге. И не только он. Я всегда хорошо умел рассказывать истории, и меня это очень увлекло.

Это было приятно, и более того, это позволяло мне дышать, забыть тот абсолютный ужас, который все время пытался задушить меня.

Размытое время

Я даже не понял, что нас прервали, пока лицо Робба не оживилось и не сфокусировалось на чем-то позади меня, и я оглянулся на двоих, которые подкрались к нам.

В 25 лет лорд Эддард «Нед» Старк, как всегда, был устрашающей фигурой. Высокий, с плащом из волчьей шкуры, накинутым на плечи.

"Джон. Робб" Его голос был теплым, и он пробудил мои сложные чувства к этому человеку. С одной стороны, он пожертвовал своей честью и добрым именем, чтобы защитить меня от короля, которому он присягнул. Он вырастил меня в своем замке, помимо своего истинного ребенка (своего единственного ребенка), и его любовь была неоспоримой. С другой стороны... хорошо.

Другая рука стояла справа от него, в темно-синей мантии, ее собственный плащ был плотно обернут вокруг нее. Кейтилин Старк, урожденная Талли, была красивой женщиной, этого нельзя было отрицать. Высокие скулы, светлая кожа, которая красиво контрастировала с ее каштановыми локонами, и пронизательные голубые глаза создавали впечатление. Тем не менее, хотя она, возможно, и не родилась северянкой, крайне холодное выражение ее лица могло бы дать ледникам шанс заработать деньги.

Я, со своей стороны, посмотрел прямо на нее.

Видишь ли, я мог посочувствовать этой женщине. Рожденная и выросшая в обществе, где женщины ценились не меньше, чем их кровь, имя и внешность, позор и общественное давление, которые она, должно быть, испытала, когда Эддард Старк вернулся с войны с бастардом на буксире, должны были быть невыносимыми и заставили всех Хуже всего то, что он отказался отослать его и вместо этого вырастил его вместе со своим истинным сыном, шаг, который был практически неслыханным даже среди самых благородных лордов.

Я мог понять боль и возникающий в результате неуместный гнев. Но я не мог этого простить.

Моя мать выросла в старомодном районе. Она бросила университет и предпочла родить меня, а не сделать аборт. На самом деле ее выгнали из родительского дома за отказ, и большую часть года она провела на улице. Папа взял ее к себе, когда вернулся со службы, но она была еще той женщиной, которая родила ребенка вне брака и опозорилась. И все же она ни разу, ни разу не возложила на меня ответственность за свой социальный статус. Она вырастила меня и любила меня, и если бы она могла сделать это, несмотря ни на что, то Кейтилин Старк, дочь верховного лорда и жена другого, которая имела самое высокое социальное положение, какое только могла иметь женщина в Вестеросе, не будучи королевской особой, не имела бы оправдания. .

Взгляд Кейтилин превратился в неприкрытую ухмылку, она едва не рванулась вперед и так резко притянула Робба к себе на руки, что его ноги едва не ударили меня по лицу.

ну тогда и тебе на хуй

В тоне «Кошки» Неда звучал лишь намек на предостережение. Если бы я действительно был ребенком, я бы даже не поймал его.

"Я возьму Робба на прогулку, муж" Женский тон был таким же холодным, как и ее выражение лица "Это прекрасный день, который лучше провести в компании его матери"

«Вместо его нынешней компании» не было сказано, но тем не менее было слышно

Нед поморщился, но ничего не сказал. Судя по моим (новым) воспоминаниям, это повторялось постоянно. Они оба приходили к ней, она брала Робба с каким-нибудь подлым комментарием по поводу моего статуса или моего «неестественного» развития, а он играл худшего в мире

посредника.

Только на этот раз Робб встрял, так как был сильно увлечен

"Джон! Джон!" Он потянулся ко мне руками и сверкнул своей широкой липкой улыбкой:
«Пойдем, мама!»

Кейтилин сказала: «Нет, дорогая. Ублюдок останется здесь».

"Кот!" На этот раз голос Неда был рычащим.

«Джон, останься с мамой и Робом!» Робб плакал

А потом дерьмо попало в вентилятор.

- Давай, Робб, - сказал Нед более мягко, - Джон присоединится к мотыльку...

Нед даже не имел в виду это, но голос Кейтилин прозвучал: «Я не его мать!»

Рот Неда захлопнулся. Она повернулась ко мне с высеченным из камня выражением, прежде чем плюнуть "и тем лучше для этого"

(Черные волосы, голубые глаза и улыбка, которая может осветить комнату)

(Я люблю тебя, мама)

"На этом, миледи" я посмотрел женщине прямо в глаза "Мы полностью согласны"

Ее лицо исказилось в гримасе ярости и... вины? Что? Она открыла рот, но на этот раз Нед опередил ее.

"Достаточно!" Он взревел так громко, что я отшатнулся и упал, а она вздрогнула всем телом. Мгновение тяжелой тишины, а затем, взмахнув мантией, она ушла, захлопнув за собой дверь.

"Джон" Голос Неда снова привлек мое внимание к нему, выражение боли на его лице "Это было плохо сделано, сын мой"

"Нет, милорд" Он вздрогнул от почетного обращения, но я не обратил на него внимания, уже погружившись в воспоминания о лучших временах "Это была правда"

И ты должен смаковать его, пока можешь, потому что я сомневаюсь, что ты получишь от меня гораздо больше.

...

Окончательно.

Мне пришлось ждать почти всю ночь, но когда я услышал, как гвардеец, которому было поручено охранять детскую, убрал пиломатериалы, я сделал свой ход. Дверь со скрипом открылась, когда я оперся на нее своим весом, и выскользнул из нее так незаметно, как только мог.

Хотя летний снег выпадал редко и далеко между этими последними лунами, Винтерфелл был холодным, холодом, который просачивался в кости и вызывал боль в зубах. Я плотнее

закутался в одеяло, и, слава богу, сапоги у меня были в детской, а то ноги от холода оторвутся. Я должен был спешить. Старая кровь или нет, дети не созданы для того, чтобы долго переносить такой холод.

Я бросился вниз по ближайшей лестнице, прыгая со ступеньки на ступеньку, пока не достиг нижнего этажа. Детская возвышалась всего на этаж над землей, а главная крепость находилась недалеко от Богороци. Я держался в тени, придерживаясь стены и пробегая мимо гвардейца, который не обращал внимания на мое присутствие. Если бы это было в любое другое время, я, вероятно, был бы обеспокоен абсолютно ужасной безопасностью, но опять же, я был ребенком, который знал Винтерфелл и к тому же уже был в его воротах. У меня было оправдание.

Я оставался рядом со стеной главной крепости, прежде чем, наконец, разглядел путь к богороце. Я на мгновение огляделся, сердце колотилось в груди, пар поднимался от моего дыхания, и я прищурился. Берег был чист. Я бросился через тропу, прекрасно осознавая тот факт, что любой, у кого есть достаточно хорошая обзорная точка на верхнем уровне, увидит меня довольно ясно, освещенного огнями ночных фонарей.

И тогда я был там.

Там, где прежде божественность казалась прекрасной, теперь она была темной и зловещей, деревья скрючились в темных, вырисовывающихся зверей, их корявые ветви и искривленные конечности тянулись в кромешно-черное небо. Низкая какофония шумов доносилась из его глубин, но ни один шум не выделялся. Холодный ветер шуршал листьями и дул мимо меня, и его свист больше походил на слабые крики.

Ебать.

Страх усугублялся тем фактом, что я с абсолютной уверенностью знала, что сверхъестественное не только живет, но и процветает в

Вестеросе.

И так или иначе, я бы встретил его.

"Лучше на моих собственных чертовых условиях" я сглотнул "По крайней мере, если я умру на этот раз, это будет из-за моей глупости, а не моей трусости"

Бог. Это было дерьмовым утешением, но это было все, что у меня было. Я шагнул вперед, в темноту.

...

Далеко на севере, глубоко под древним Веривудом, все, что когда-то дремало, зашевелилось.

Голосовые связки давно отдыхали, натягивались, и хриплый, нечеловеческий голос прорезал тишину, формировавшуюся десятилетиями.

— Ну что ж. Что у нас тут ?